

*А. Д. ПАНТЕЛЕЕВ*

**«Есть много мучеников и в других ересях»:  
МУЧЕНИЧЕСТВО В НЕОРТОДОКСАЛЬНОМ  
ХРИСТИАНСТВЕ II–III ВВ.**

Первые века истории христианства прошли под знаком гонений со стороны Римской империи. Эти преследования привели к возникновению уникального явления — мученичества. О его важности для распространения христианства среди язычников можно спорить, но оно имело несомненное значение для единоверцев: мученичество укрепляло их веру, исповедники могли отпускать грехи, наконец, в то время, когда еще не было символа веры и ортодоксия во многом была ортопраксией, важно было доказывать свою правоту не словами, а делом, и наличие мучеников было надежным свидетельством истинности учения. Так, в одном из антимонтанистских сочинений II в. сказано: «Пусть же они ответят нам перед Богом: есть ли из последователей Монтана, начиная с него и тех женщин, хоть кто-то, кого иудеи преследовали или беззаконники убили? Никого. Кто из них был взят и распят за имя христианина? Опять же никто» (Eus. HE V, 16, 12; здесь и далее пер. М. Е. Сергеенко). В те же годы Ириной Лионский писал: «Все прочие (еретики) не только не могут показать у себя ничего такого, но и говорят, что такое свидетельство (мученичество) вовсе не нужно, потому, де, что их учение есть истинное свидетельство (за Христа)» (АН IV, 33, 9; пер. П. Преображенского). Этот аргумент спустя полвека привел мученик Монтан, который осуждает еретиков за их гордыню и упрямство и говорит, что они должны признать истинность учения Церкви из-за множества ее мучеников и вернуться к ней (Mart. Mont. et Luc. 12, 3). Однако, эти утверждения далеки

от истины — свои мученики были и у еретиков. Евсевий приводит выдержку из недошедшего до нас сочинения: «Опровергнутые по всем статьям, не зная, что возразить, они (монтанисты. — А. П.) пытаются прибегнуть к мученикам и говорят, что у них много мучеников, а это, несомненно, свидетельствует о силе их “пророческого” духа. Это вовсе неверно. Есть много мучеников и в других ересях, но мы по этой причине не придем с ними в согласие и не сочтем их обладателями истины. Маркиониты, названные так по маркионовой ереси, первые скажут, что у них много мучеников Христовых, но ведь Самого Христа не исповедуют истинно» (HE V, 16, 20–21). Церковная традиция предпочитала хранить молчание о них, но свидетельства о их казнях время от времени прорываются в исторических и полемических сочинениях.

В последнее время эти свидетельства, как и теоретические взгляды еретиков на мученичество, стали объектом пристального изучения. Можно выделить несколько особенно активно обсуждающихся проблем. Прежде всего, дискуссия ведется вокруг явления добровольного мученичества среди сторонников различных течений в христианстве и попыток определить среди этих мучеников церковных христиан и монтанистов<sup>1</sup>. Затем, это обсуждение отношения гностиков к смерти за свою веру. Особое значение здесь имеет открытие текстов Наг-Хаммади, которые позволили взглянуть на проблему глазами не только церковных полемистов, но и самих гностиков<sup>2</sup>. Наконец, это тщательное изучение

<sup>1</sup> Tabbernee W. 1) Early Montanism and Voluntary Martyrdom // Colloquium. Vol. 17. 1985. P. 33–44; 2) Fake Prophecy and Polluted Sacraments. Ecclesiastical and Imperial Reactions to Montanism. Leiden. 2007; Trevett C. Montanism: Gender, Authority and the New Prophecy. Cambridge, 1996; Moss C. R. The Discourse of Voluntary Martyrdom: Ancient and Modern // Church History. Vol. 81. 2012. P. 531–551; Каргальцев А. В. Монтанизм в римской Северной Африке: К проблеме восприятия мученичества // Религия. Церковь. Общество. Исследования и публикации по теологии и религии. Вып. 1. СПб., 2012. С. 116–132.

<sup>2</sup> Frend W.H.C. The Gnostic Sects and the Roman Empire // The Journal of Ecclesiastical History. Vol. 5. 1954. P. 25–37; Pagels E.H. Gnostic and Orthodox Views of Christ's Passion: Paradigms for the Christian's response to persecution? // The Rediscovery of Gnosticism. Vol. I. Leiden, 1981. P. 262–288; Rudolph K. Gnosis. The Nature and History of Gnosticism. San Francisco,

отдельных случаев мученичества вроде учителя Птолемея, о котором рассказывает Юстин во II Апологии, и попытки отождествить их с известными нам неортодоксальными христианами<sup>3</sup>. Здесь, во многом ориентируясь на недавнюю статью А. Хилхорста<sup>4</sup>, нам хотелось бы собрать и рассмотреть некоторые свидетельства о случаях мученичества среди еретиков и показать важность этого сюжета для внутрехристианской полемики.

#### МОНТАНИСТЫ

Стремление монтанистов пострадать за имя Христа общеизвестно: они ожидали скорого пришествия Господа и стремились обеспечить себе место в раю. Дело доходит до того, что любой намек на добровольность мученичества, видения мученика или его воздержание от мяса или вина многими исследователями воспринимается как указание на принадлежность к последователям «нового пророчества». Проблема, однако, в том, что стремление к добровольному мученичеству было широко распространено во II в. не только среди монтанистов, но и других христиан. Здесь мы не будем касаться крайне спорных случаев Агатоники (Mart. Cagri), Алкивиада (Eus. HE V, 3, 2–3) и Перпетуи (Mart. Perp.), ограничившись только Квинтом из «Мученичества Поликарпа». Еще одна сложность, возникающая при изучении этого вопроса, — различие в отношении к мученичеству у монтанистов на востоке и западе Римской империи<sup>5</sup>. Тем не менее, сам факт наличия большого числа мучеников среди монтанистов под сомнение никем не ставится — как мы только что видели, об этом говорят сами церковные авторы.

1987; Пантелеев А. Д. Римская империя в зеркале гнозиса // История: мир прошлого в современном освещении / Под ред. А. Ю. Дворниченко. СПб., 2008. С. 361–378; Huldahl J. Gnostic critique of Martyrdom // Contextualizing Early Christian Martyrdom / Ed. by Engberg J., Holmsgaard E., Klostergaard P. Frankfurt am Main, 2011. P. 119–138.

<sup>3</sup> Lüdemann G. Zur Geschichte des ältesten Christentums in Rom // Zeitschrift für die neutestamentliche Wissenschaft. Bd. 70. 1979. S. 86–114.

<sup>4</sup> Hilhorst A. Christian Martyrs Outside the Catholic Church // Journal of Eastern Christian Studies. Vol. 60. 2008. P. 23–36.

<sup>5</sup> Каргальцев А.В. Монтанизм в римской Северной Африке. С. 124–128.

*Квинт*

Обычно рассказ о мучениках-монтанистах начинают с фригийца Квинта из «Мученичества Поликарпа», скажем несколько слов о нем и мы.

«Некто же по имени Квинт, фригиец, недавно приехавший из Фригии, увидев зверей, струсил, а он принудил себя и других придти добровольно. Его проконсул, много убеждая, уговаривал поклясться и принести жертву» (Mart. Pol. 4).

Возможность считать Квинта монтанистом во многом зависит от определения времени возникновения монтанизма и даты казни Поликарпа. Евсевий сообщает, что дух сошел на Монтана в 172 г. (Chron. 206d Helm), однако Елифаний указывает 157 г. (Pap. 48, 1, 1–2), а смерть смирнского епископа относят к 155(156) г. или к 166 г.; таким образом, при признании поздней датировки возникновения монтанизма вопрос отпадает сам собой, при признании ранней даты мученичества тоже возникают определенные проблемы: могли ли за столь короткий срок ярые приверженцы «нового пророчества» добраться до Смирны? Мы склонны присоединиться к сторонникам обеих ранних дат. Не будем здесь углубляться в обширную историографию вопроса о взаимоотношениях «Мученичества Поликарпа» и монтанизма (передатирование трактата едва ли не 170-ми гг., возможные интерполяции и т. д.) — ее итоги подведены в работах знаменитого исследователя «Мученичества» Б. Дехандшуттера<sup>6</sup>, — ограничившись лишь рассмотрением данных об этом Квинте. Строго говоря, нет никаких оснований, кроме ссылки на «фригийца из Фригии», считать его монтанистом: он не делает ничего такого, что отличает его от ортодоксальных христиан, и может быть, несколько странно звучащее «фригиец из Фригии» и появилось для того, чтобы показать, что Квинт был просто фригийцем и не имел никакого отношения к монтанизму. Стремление пострадать — общее место в христианстве того времени, начиная с Игнатия, из современников можно вспомнить хотя бы Агатонику (Mart. Carpi gr. 42-47) или тех, кто пришел ко дворцу наместника в Азии, требуя казнить их (Tert. Ad Scap. 5), отступничество

<sup>6</sup> Dehandschutter B. Polycarpiana. Studies on Martyrdom and Persecution in Early Christianity. Collected essays. Leuven, 2007. P. 126–130.

из-за страха пыток или казни тоже не было чем-то уникальным (Herm. Sim. 8, 6; 9, 19; Vis. 2, 3; Eus. HE V, 1, 11–12 et al.). Дехандшуттер резонно задает вопрос о том, почему никто не объявляет монтанистом Германика, о котором шла речь до Квинта — ведь он сам натравил на себя зверей и отказался слушаться уговоров проконсула (Mart. Pol. 3). Неужели дело только в том, что он не струсил? Кроме Б. Дехандшуттера, еще несколько ученых отказываются считать Квинта монтанистом<sup>7</sup>. Во многом решение этого вопроса зависит от того, готовы ли мы видеть в «Мученичестве Поликарпа» полемику с монтанистами, или нет.

### Фемисон

Евсевий Кесарийский цитирует несохранившуюся работу Аполлония, по словам Иеронима, жившего «во времена Коммода и Севера» и написавшего свое антимонтанистское сочинение на сороковом году со времени появления этой ереси (De vir. ill. 40). Точнее датировать это сочинение тяжело, так как это зависит от времени начала проповеди Монтана. В любом случае, нет оснований сомневаться в том, что Евсевий своими глазами видел работу Аполлония<sup>8</sup>. Вот текст свидетельства:

«Да и Фемисон был, конечно, прикрыт корыстолюбием: не желая терпеть мук исповедничества, он за большие деньги избавился от оков. Ему бы тут и почувствовать свое унижение, а он хвастливо объявил себя мучеником и осмелился, в подражание апостолу, составив соборное послание (καθολικὴν τινὰ συντάξαμενος ἐπιστολήν), поучать тех, кто верил правильнее его, завязывать пустые споры и хулить Господа, апостолов и Святую Церковь» (Eus. HE V, 18, 5).

Чуть раньше в тексте Евсевия этот Фемисон появляется как сподвижник пророчицы Максимиллы, который со своими товарищами не дал епископам Зотику и Юлиану ее разоблачить (Eus. HE V, 16, 17; ср. 18, 13). Когда именно он был арестован, сказать

<sup>7</sup> Baumeister G. *Genese und Entfaltung der altkirchlichen Theologie des Martyriums. Traditio christiana*. Berlin, 1991. S. XXV; Butler R. D. *The New Prophecy and 'New Visions': Evidence of Montanism in The Passion of Perpetua and Felicitas*. Washington, 2006. P. 112–113.

<sup>8</sup> Carriker A. *The Library of Eusebius of Caesarea*. Leiden, 2003. P. 186.

невозможно — это могло быть как время Марка Аврелия, когда по Малой Азии прокатилась волна гонений (Eus. HE IV, 15)<sup>9</sup>, так и Коммода, и Севера. В подкупе судьи Фемисоном нет ничего необычного — случаи дачи взяток христианами встречаются неоднократно (Luc. Peregr. 12; Mart. Perp. 3, 7 et al.). Аполлоний говорит о том, что Фемисон написал «соборное послание» после освобождения, но тогда история с подкупом была бы общеизвестна, и оно не имело бы никакого влияния даже на его единоверцев. Скорее всего, это послание было написано им еще в тюрьме: заключенные вполне могли заниматься там сочинительством. Если обратиться к христианской традиции, то можно вспомнить письма Игнатия Антиохийского, «Мученичество Перпетуи и Фелицитаты», где содержатся фрагменты тюремного дневника Перпетуи (2, 3 et al.), письма Киприана Карфагенского, «Мученичество Монтана и Луция», частью которого является письмо мучеников (1–11) и «Письмо Филеаса», написанное в тюрьме<sup>10</sup>. О его содержании мы не можем сказать вообще ничего, предпринятая более 100 лет назад попытка Т. Барнса доказать, что Фемисон был монтанистским епископом Пепузы, реконструировать содержание письма и связать его с полемикой конца II в. о монтанизме, в частности, письмом галльских церквей, обращенном папе Элевтерию и братьям в Азии и Фригии и деятельностью Праксея (Eus. HE V, 3) может быть оценена как чистая фантазия<sup>11</sup>.

Некоторые современные ученые полагают, что Аполлоний предвзято относился к Фемисону и едва ли не оклеветал его, но эти предположения также остаются в сфере догадок и гипотез<sup>12</sup>.

<sup>9</sup> Пантелеев А. Д. Христиане в правление Марка Аврелия // Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира. Вып. 4. СПб., 2005. С. 305–316.

<sup>10</sup> Пантелеев А. Д. Речи в «Мученичестве Пиония»: реальность или фикция? // Индоевропейское языкознание и классическая филология. Вып. 17. СПб., 2014. С. 768–769.

<sup>11</sup> Barns T. The Catholic Epistles of Themison: a Study in 1 and 2 Peter // The Expositor. 6th series. Vol. 8. 1903. P. 40–62.

<sup>12</sup> Butler R. D. The New Prophecy and 'New Visions'. P. 180; Willing M. Eusebius von Cäsarea als Häreseograph. Berlin; New York, 2008. S. 261–263.

*Александр*

Евсевий продолжает выписки из сочинения Аполлония следующим пассажем:

«Чтобы не говорить о многих, пусть сама пророчица расскажет нам об Александре, называвшем себя мучеником, с которым она угощается, которому многие кланяются в ноги. Нам незачем говорить о его грабежах и прочих преступлениях, за которые он и понес наказание: записи об этом хранятся в государственном архиве... Желающим познакомиться с Александром да будет известно, что он был осужден в Эфесе проконсулом Эмилием Фронтином не за христианство, а за грабежи (οὐ διὰ τὸ ὄνομα, ἀλλὰ δι' ἧς ἐτόλμησεν ληστείας): он просто преступник (παραβάτης). Прикрывая свою ложь именем Господа, он обманул местных верующих и был освобожден, но родной приход (παροικία), откуда он был, его не принял, как вора. Желающие получить сведения о нем имеют в своем распоряжении асийский государственный архив» (Eus. HE V, 18, 6-9).

Эти события относятся к 170–200 гг.; точнее датировать их невозможно. Выражение οὐ διὰ τὸ ὄνομα может означать как имя Христа, так и христиан<sup>13</sup> — в любом случае, связь с гонениями несомненна. Интересно слово παραβάτης. Оно имеет несколько значений, среди которых есть «разбойник, преступник», но есть и «отступник, ренегат»<sup>14</sup>. М. Виллинг полагает, что здесь имеется в виду то, что Александр так и не стал мучеником, купив свободу и фактически совершив отступничество, из-за чего его не приняла его община, а «грабеж» (ληστεία), в котором его обвиняют — это сбор денег для взятки судье с эфесских христиан<sup>15</sup>; в архиве, соответственно,

---

По поводу Фемисона и следующего монтаниста, Александра, можно вспомнить, что целью полемики в то время часто было не рациональная критика учения, а дискредитация противника. Одним из аргументов было указание на недостойное поведение оппонента, так что не стоит абсолютно доверять церковным авторам: Wisse F. *The Use of Early Christian Literature as Evidence for inner diversity and conflict // Nag Hammadi, Gnosticism and Early Christianity* / Ed. by C. H. Hedrick, R. J. Hodgson. Peabody, 1986. P. 185.

<sup>13</sup> Hillhorst A. *Christian Martyrs Outside the Catholic Church*. P. 26.

<sup>14</sup> Lampe G. *A Patristic Greek Lexicon*. παραβάτης (2). Oxford, 1961. P. 1008.

<sup>15</sup> Willing M. *Eusebius von Cäsarea...* S. 262.

хранится свидетельство его отступничества. Таким образом, Александр совершил то же, в чем до того обвинялся Феми-сон. Эта версия, как нам кажется, заслуживает внимания, в противном случае — если мы считаем его обычным граббителем — Александр оказывается достойным наследником лукиановского Перегринна. В любом случае, важно, что среди монтанистов, как минимум, находились люди, называвшие себя мучениками.

### *Евтихиан*

Евтихиан упоминается в «Мученичестве святого пресвитера Пиония и его товарищей», которое рассказывает о событиях в Смирне во время гонения Деция (февраль 250 г.). Когда мучеников после допроса приводят в тюрьму, то там они встречаются товарищей по несчастью:

«Войдя, они (Пионий и его товарищи. — А. П.) нашли заключенных пресвитера Вселенской Церкви по имени Лимн, и женщину Македонию из селения Карины, и одного из приверженцев фригийской ереси (ἐκ τῆς αἰρέσεως τῶν Φρυγῶν) по имени Евтихиан» (Mart. Pionii, 11, 2).

Очевидно, Евтихиан был арестован по тем же обвинениям в христианстве тогда же или несколько раньше, чем Пионий и остальные верующие. К этому времени гонение уже продолжалось некоторое время, так что уже успели появиться отступники. Одним из них стал, возможно, епископ Смирны Евктемон, призывавший к отступничеству остальных христиан (15, 2; 12, 7; 18, 12), другие пришли в тюрьму к Пионию просить о прощении их греха (12, 2). Нам ничего не известно о том, что произошло с Евтихианом дальше, во всяком случае, здесь нет ни слова об отступничестве или взятке, в «Мученичестве Пиония» акцент делается на полемике не с еретиками, а с иудеями и язычниками. То, что Евтихиан вообще оказался упомянут — дело случая; А. Хилхорст полагает, что это доказывает подлинность «Мученичества»<sup>16</sup>, мы же считаем, что это доказывает и то, что этот пассаж восходит к тюремным записям самого Пиония, так как позднему составителю текста не было никакой нужды упоминать пострадавших еретиков,

<sup>16</sup> Hilhorst A. Christian Martyrs Outside the Catholic Church. P. 28.



## ВЫПУСК III

да и узнать о том, кто тогда находился в темнице, ему было затруднительно<sup>17</sup>. Позже в этом тексте мы встретим упоминание о еще одном представителе неортодоксального христианства — маркионите Метродоре (21, 6).

*МАРКИОНИТЫ*

Маркион, купец из Синопы, прибыл в Рим ок. 140 г., где примкнул к христианской церкви, но в июле 144 г. порвал с ней и основал собственное учение (Tert. Adv. Marc. I, 19), которое быстро распространилось по империи. Оно было похоже на гностицизм резкой критикой Ветхого Завета, докетизмом и разделением двух богов — Благого Отца и ветхозаветного демиурга, однако, у Маркиона мы не находим принципиальной значимости гнозиса как основы для спасения, любви к аллегорическому истолкованию Библии и учения о предопределенности к спасению, что имело значение для отношения гностиков к мученичеству. В отличие от гностиков, маркиониты были готовы страдать за свои взгляды, и это признают даже церковные авторы — «Маркиониты, названные так по маркионовой ереси, первые скажут, что у них много мучеников Христовых» (Eus. HE V, 16, 21).

*Метродор*

Как уже было сказано, о Метродоре говорится в рассказе о казни пресвитера Пиония:

«Итак, его (Пиония. — А. П.) подняли на столбе, а вслед за тем и некоего пресвитера Метродора из ереси маркионитов (πρεσβύτερον τινα Μητροδώρον τῆς αἰρέσεως τῶν Μαρκωνιστῶν). Случилось так, что Пионий оказался справа, а Метродор слева, однако оба смотрели на восток» (Mart. Pionii 21, 6).

Появление Метродора в тексте мученичества совершенно неожиданно. Если свидетельство о монтанисте Евтихиане еще можно отнести к тюремному дневнику Пиония, то никакой необходимости в упоминании Метродора с точки зрения ортодоксального христианина нет. Возможно, это воспоминания очевидца, записанные по горячим следам и так и оставшиеся

<sup>17</sup> Пантелеев А. Д. Речи в «Мученичестве Пиония». С. 762–770.

в тексте, но рискнем предположить, что маркионит Метродор оказался здесь все же не просто так. Последователи Маркиона последовательно боролись с иудейским наследием в христианстве, отвергали Ветхий Завет и считали Яхве злым демиургом. Пионий, с другой стороны, тоже полемизировал с иудеями — они небезуспешно пытались переманить к себе отпавших христиан (Mart. Pionii 4, 7–12; 12, 3–14)<sup>18</sup>. Эта антииудейская полемика привела к тому, что Пионий и Метродор волей случая оказались по одну сторону баррикад. Похоже, что автор «Мученичества», высоко ценивший деятельность Пиония, счел, что расхождения между маркионитами и ортодоксами отступили на второй план по сравнению с борьбой с общим противником, так что он не только упомянул Метродора в тексте, но даже подарил ему некий намек на возможное спасение, во всяком случае, так понимает слова «однако оба смотрели на восток» А. Хилхорст в своей комментарии к «Мученичеству Пиония»<sup>19</sup>. Этот намек не идет ни в какое сравнение с достоинством мученического венца Пиония, висевшего справа, но все же говорит о многом.

Г. Музурилло в своем переводе «Мученичества Пиония» опускает слово *πρεσβύτερον*, говоря о Метродоре просто как о «некоем человеке»<sup>20</sup>. Теоретически это слово в данном контексте может означать «старый, пожилой», но скорее всего, это все-таки «пресвитер», тем более, что нам известно о существовании у маркионитов сана пресвитера<sup>21</sup>.

Метродор еще раз появляется в завершении рассказа Евсевия о мученичестве Поликарпа. Сразу отметим, что это наш герой, а не его тезка, так как за этой фразой упоминается о подвиге Пиония.

«Присоединены в сочинении о нем (Поликарпа. — А. П.) и другие мученичества (ἄλλα μαρτύρια), бывшие вместе в той же Смирне почти одновременно с мученичеством Поликарпа; среди них был и Метродор, как будто пресвитер маркионо-

<sup>18</sup> Ameling W. The Christian "lapsi" in Smyrna, 250 A.D. (Martyrium Pionii 12–14) // *Vigiliae Christianae*. Vol. 62. 2008. P. 133–160.

<sup>19</sup> *Atti e passioni dei martiri* / Ed. by A. A. R. Bastiansen. Vicenza, 1987. P. 476.

<sup>20</sup> Musurillo H. *The Acts of the Christian Martyrs*. Oxford, 1972. P. 165.

<sup>21</sup> Robert L. *Le Martyre de Pionios, prêtre de Smyrne*. Washington, 1994. P. 117.

ва заблуждения (μεθ' ὧν καὶ Μητρόδωρος τῆς κατὰ Μαρκίωνα πλάνης πρεσβύτερος δὴ εἶναι δοκῶν); он был предан огню» (Eus. HE IV, 14, 46; пер. наш).

Конечно, здесь речь идет не о тексте «Мученичества Метродора»<sup>22</sup>, а о том, что он был казнен среди других мучеников. Почему о нем упоминает Евсевий? А. Хилхорст полагает, что Евсевий был добросовестным историком, и поэтому он приводит факт, о котором не может умолчать, но снабжает его своими уничижительными комментариями — отсюда «маркионово заблуждение» и «как будто пресвитер», более того, докῶν можно понять «претендовавший на то, чтобы быть»<sup>23</sup>. Но почему Метродор упоминается раньше самого Пиония?<sup>24</sup>

Что заставило Евсевия отнести эти события к тому же времени, что и казнь Поликарпа, загадка. Эта проблема обсуждалась множество раз, и обычный вывод — банальная невнимательность, которая иногда проявляется у Евсевия, как например, в случае с императорами династии Антонинов<sup>25</sup>. Но как можно было пропустить указание на дату описываемых событий, которое повторяется дважды (Mart. Pionii 2, 1; 22) и сохранилось во всех версиях текста, для нас непонят-

<sup>22</sup> Хотя В. Саксер предположил о его существовании: Saxer V. Les Actes des "Martyrs anciens" chez Eusèbe de Césarée et dans les martyrologes syriaque et hiéronymien // *Analecta Bollandiana*. Т. 102. 1984. P. 86.

<sup>23</sup> Willing M. Eusebius von Cäsarea... S. 191; Hilhorst A. *Christian Martyrs Outside the Catholic Church*. P. 30.

<sup>24</sup> Можно было бы предположить, что Евсевий оказался в таком же замешательстве, что и мы только что. Не желая признавать расположение автора «Мученичества» к еретик-маркиониту, Евсевий просто решил, что здесь какая-то ошибка. Все его оговорки следует считать не ироничными замечаниями, а откровенным недоумением — он не знал, зачем и почему так явно указана принадлежность Метродора к ереси, поэтому просто сохранил эту информацию, высказав сомнение в ее достоверности. Вполне вероятно, что такое же недоумение испытывал и Иероним, который в итоге включил Метродора в свой «Мартиролог» среди остальных православных с днем памяти 12 марта — датой мученичества Пиония. Однако, против этого предположения говорит то, что почти этими же словами Евсевий описывает Асклепия (см. ниже), в маркионитстве которого у него нет никаких сомнений.

<sup>25</sup> Norton-Coleman P. *Roman State and Christian Church. A Collection of Legal Documents to A. D. 535*. Vol. I. London, 1966. P. 9

но. Может быть, Евсевия сбила с толку «Великая суббота», появляющаяся в рассказах о Поликарпе и Пионии?

### *Асклепий*

Упоминание о втором мученике-маркионите встречается в греческой версии «О палестинских мучениках» Евсевия при рассказе о Петре, казненном в Кесарии:

«С ним (Петром. — *А. П.*) некто Асклепий, будто бы бывший епископом маркионова заблуждения (κατὰ Μαρκίωνα πλάνης ἐπίσκοπός τις εἶναι δοκῶν Ἀσκληπίος), вступил в состязание в благочестии, как он полагал, но не обладал истинным знанием, и окончил жизнь на том же костре (что и Петр. — *А. П.*)» (Eus. Mart. Pal. 10, 3).

Описываемые события происходили в Палестине в 309 г., ничего больше об этом Асклепии неизвестно. Характеристики, данные Асклепию, похожи на те, что Евсевий говорил о Метродоре.

### *Неизвестная женщина*

Евсевий рассказывает о еще одной жертве преследований из числа маркионитов — неизвестной женщине, погибшей при гонении Валериана в Кесарии:

«Кроме них (мучеников Приска, Малха и Александра. — *А. П.*), в это же гонение и в том же городе какая-то женщина, рассказывают, вступила в ту же борьбу. Ходит молва, что она принадлежала к ереси Маркиона (τῆς δὲ Μαρκίωνος αὐτὴν αἰρέσεως γενέσθαι κατέχει λόγος)» (Eus. HE VII, 12).

Историк упоминает об этом эпизоде, но даже не называет ее по имени. Похоже, это, в отличие от предыдущих двух случаев, для Евсевия настолько незначительный эпизод, что он даже не стал его никак комментировать. Возможно, дело в том, что женщина не претендовала на какой-либо священнический сан.

### *ПРАКСЕЙ*

Праксей — исповедник, прибывший в Рим при папе Элевтерии (175–189 гг.) или, скорее, Викторе (189–199 гг.), борец против монтанизма, добившийся его осуждения. После Рима он отправился в Карфаген (Tert. Adv. Praх. 1). По своим взглядам он был монархиянином-модалистом; Киприан называет его

последователей патрипассианами, «верящими в то, что пострадал Бог-Отец» (Epist. 73, 4, 2). О его жизни сообщает только Тертуллиан, который, между прочим, говорит следующее:

«Ведь Праксей первым из Азии принес на Римскую землю этот вид заблуждения, <человек> в иных отношениях беспокойный, вдобавок, сверх меры надутый хвастовством мученичества единственно из-за того, что он испытал легкую и непродолжительную неприятность тюремного [заключения] (*insuper de iactatione martyrii inflatus ob solum et simplex et breve carceris taedium*). Но даже если бы Праксей отдал тело свое на сожжение, то не было бы ему никакой пользы (1 Кор. 13:3), ибо он не имеет любви к Богу, благодати Которого он воспротивился» (Tert. Adv. Prax. 1, 4; пер. под ред. А. Р. Фокина).

Мы не знаем, стал ли Праксей исповедником до прибытия в Рим, во время его пребывания там или после отъезда. Можно отметить слова о «хвастовстве мученичеством», что показывает его важность как для Тертуллиана, так и для аудитории Праксея; позже к этой теме обратится Киприан (De unit. eccl. 14). Тертуллиан пишет свой трактат, уже обратившись в монтанизм, и это еще одно любопытное свидетельство полемики двух внецерковных групп о мученичестве — если невозможно игнорировать исповедничество противника, нужно его обесценить.

#### Гностики

То, что гностики не считают мученичество подвигом — общее место<sup>26</sup>. В этом их обвиняют Юстин (Apol. I, 26), Ириней (АН I, 24, 6 et al.), Климент Александрийский (Strom. IV, 16 et al.) и другие авторы. Это не выдумка ересиологов, об этом говорят и сами гностики. В «Свидетельстве истины» мы читаем: «Глупцы — думающие в своем сердце, что если они исповедуют "Мы христиане" только словом, а не на деле... думающие, что они будут жить, в то время как они заблуждаются... Ибо если бы только слова, которые свидетельствуют, спасали, тогда весь мир уповал бы на это и был бы спасен. Но именно таким образом навели на себя заблуждение. Они не знают, что уничтожают себя. Если бы Отец хотел человеческой жертвы,

<sup>26</sup> Мы ограничимся кратким обзором мнений гностиков, подробные исследования см. в прим. 2.

он оказался бы тщеславным» (ННС IX, 3, 31–32)<sup>27</sup>. Причины этой легкости отступничества и демонстрации лояльности традиционной римской религии лежали в их теологии и христологии: они не верили, что божественная, духовная часть Христа страдала на кресте, и это делало мученичество бессмысленным самоубийством. Но гностики не были каким-то единым течением, и в разных группах мы встречаем разное отношение к мученичеству. «Никто из тех, кто боится смерти, не спасется, ибо Царство принадлежит тем, кто отдает себя на смерть», — говорится в «Апокрифе Иакова» (ННС, I, 2)<sup>28</sup>. К этому можно добавить слова Климента Александрийского о тех, кто преднамеренно бежит навстречу палачу, желая уйти из жизни из-за ненависти к демиургу (Clem. Alex. Strom. IV, 17) и фрагмент Гераклеона (Clem. Alex. Strom., IV, 71). Особенно в связи с этим интересен следующий пассаж Иринея Лионского:

«Поэтому, Церковь на всяком месте по своей любви к Богу предпосылает во всякое время к Отцу множество мучеников; между тем как все прочие (еретики) не только не могут показать у себя ничего такого, но и говорят, что такое свидетельство (мученичество) вовсе не нужно, потому, де, что их учение есть истинное свидетельство (за Христа), за исключением того, что разве во все время, как Господь явился на земле, один или двое из них когда-нибудь вместе с нашими мучениками потерпел поношение имени, как будто и он получил милость, и вместе с ними веден был (на смерть), так сказать в добавок к ним» (Iren. АН IV, 33, 9; пер. П. Преображенского).

Хотя этот отрывок находится в окружении аргументов, направленных как против гностиков, так и маркионитов, очевидно, что речь идет именно о гностиках: в отличие от учеников Маркиона, они утверждают, что мученичество «вовсе не нужно». Кто эти «один или два» гностика, Ириней не говорит, но мы можем пред-

<sup>27</sup> Хосроев А. Л. Александрийское христианство по данным текстов из Наг-Хаммади. М., 1991. С. 223–232; о мученичестве и гностиках см.: С. 165–167.

<sup>28</sup> Dehandschutter В. 1) Polycarpiana. P. 229–235; 2) Salvation in the Apocryphon of James // Pagani e cristiani alla ricerca della salvezza (I–III sec.). Roma, 2006. P. 357–366.

## Выпуск III

положить, что здесь может иметься в виду валентинианин Птолемей, пострадавший в Риме при Антонине Пии (Iust. Apol. II, 2)<sup>29</sup>.

\*\*\*

Итак, как мы увидели, в неортодоксальном христианстве существовали различные подходы к мученичеству. Если часть течений (монтанисты, маркиониты, последователи Праксея) признавали его важность, то другие считали его ненужным (гностики и близкие к ним элкасаиты)<sup>30</sup>. Полемика между различными группами христиан не могла обойти стороной эту тему, имевшую важное значение для демонстрации своей правоты. Ортодоксальная церковноисторическая и полемическая традиция сохранила лишь несколько имен еретиков-мучеников, причем почти все упоминания о них снабжены замечаниями и комментариями, цель которых дезавуировать их притязания на мученичество или исповедничество; единственное исключение — «Мученичество Пиония». Можно предположить, что в действительности их число было больше, а в полемической литературе, принадлежавшей внецерковным группам, мученики-христиане подвергались такой же критике. Хороший пример этого встречается в монтанистском трактате Тертуллиана «О посте», где он рассказывает о мученичестве некоего Пристина, доведенного пышными обедами, ваннами и вином, которые предоставили ему единоверцы, до такого состояния, что на допросе вместо исповедания он только икал и рыгал (12).

<sup>29</sup> Lüdemann G. Zur Geschichte des ältesten Christentums in Rom // Zeitschrift für die neutestamentliche Wissenschaft. Bd. 70. 1979. S. 86–114; Пантелеев А. Д. История римской матроны и ее учителя (Iust. Apol. II, 2) // Мнемон. Исследования и публикации по античной истории. Выпуск 12. СПб., 2013. С. 448–461.

<sup>30</sup> Hilhorst A. Christian Martyrs Outside the Catholic Church. P. 34–35.

## ИНФОРМАЦИЯ О СТАТЬЕ

*Автор:* Пантелеев Алексей Дмитриевич, к. и. н., доцент, Институт Истории, Санкт-Петербургский Государственный университет (Санкт-Петербург)

*Электронная почта:* a.panteleev@spbu.ru; alpant@hotmail.com

*Заголовок:* «Есть много мучеников и в других ересях»: мученичество в неортодоксальном христианстве II–III вв.

*Аннотация:* Статья представляет собой комментированную подборку свидетельств христианских авторов о случаях мученичества среди еретиков. В центре внимания оказываются монтанисты, маркиониты, монархиане и гностики. Первые три группы признавали важность мученичества, гностики, наоборот, полагали, что в нем нет необходимости. Мученичество играло важную роль во внутрехристианской полемике: их наличие было надежным свидетельством истинности учения. Ортодоксальная церковноисторическая и полемическая традиция сохранила лишь несколько имен еретиков-мучеников, причем почти все упоминания о них снабжены комментариями, цель которых дезавуировать их притязания на мученичество или исповедничество. Можно предположить, что в действительности их число было больше, а в полемической литературе, принадлежавшей внецерковным группам, мученики-христиане подвергались такой же критике.

*Ключевые слова:* раннее христианство, гонения, мученичество, монтанизм, Маркион, гностицизм, полемика

## ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Ameling W. The Christian “lapsi” in Smyrna, 250 A. D. (Martyrium Pionii 12–14) // *Vigiliae Christianae*. 2008. Vol. 62. P. 133–160.
2. *Atti e passioni dei martiri* / Ed. A. A. R. Bastiansen et al. — Vicenza: Fondazione Lorenzo Valle, 1987. — 615 p.
3. Barns T. The Catholic Epistles of Themison: a Study in 1 and 2 Peter // *The Expositor*. 6th series. 1903. Vol. 8. P. 40–62.
4. Baumeister G. *Genese und Entfaltung der altkirchlichen Theologie des Martyriums*. *Traditio christiana*. — Berlin: Lang, 1991. — 202 s.
5. Butler R. D. *The New Prophecy and ‘New Visions’: Evidence of Montanism in The Passion of Perpetua and Felicitas*. — Washington: Catholic University of America Press, 2006. — 181 p.
6. Carriker A. *The Library of Eusebius of Caesarea*. — Leiden: Brill, 2003. — 358 s.
7. Dehandschutter B. *Polycarpiana. Studies on Martyrdom and Persecution in Early Christianity*. *Collected essays*. — Leuven: Leuven University Press, 2007. — 286 p.



8. Dehandschutter B. Salvation in the Apocryphon of James // *Pagani e cristiani alla ricerca della salvezza (I–III sec.)*. Roma: Institutum Patristicum Augustinianum, 2006. P. 357–366.
9. Frend W. H. C. The Gnostic Sects and the Roman Empire // *The Journal of Ecclesiastical History*. 1954. Vol. 5. P. 25–37.
10. Hilhorst A. Christian Martyrs Outside the Catholic Church // *Journal of Eastern Christian Studies*. 2008. Vol. 60. P. 23–36.
11. Hyldahl J. Gnostic critique of Martyrdom // *Contextualising Early Christian Martyrdom* / Ed. by Engberg J., Holmsgaard E., Klostergaard P. Frankfurt am Main: Lang, 2011. P. 119–138.
12. Lampe G. *A Patristic Greek Lexicon*. — Oxford: Clarendon Press, 1961. — 1568 p.
13. Lüdemann G. Zur Geschichte des ältesten Christentums in Rom // *Zeitschrift für die neutestamentliche Wissenschaft*. 1979. Bd 70. S. 86–114.
14. Moss C. R. The Discourse of Voluntary Martyrdom: Ancient and Modern // *Church History*. 2012. Vol. 81. P. 531–551.
15. Musurillo H. *The Acts of the Christian Martyrs*. — Oxford: Clarendon Press, 1972. — lxxiv, 379 p.
16. Norton-Coleman P. Roman State and Christian Church. A Collection of Legal Documents to A. D. 535. Vol. I–III. — London: S. P. C. K., 1966. — 1358 p.
17. Pagels E. H. Gnostic and Orthodox Views of Christ's Passion: Paradigms for the Christian's response to persecution? // *The Rediscovery of Gnosticism*. Vol. I. Leiden: Brill, 1981. P. 262–288.
18. Robert L. *Le Martyre de Pionios, prêtre de Smyrne*. — Washington: Dumbarton Oaks Research Library and Collection, 1994. — 152 p.
19. Rudolph K. *Gnosis. The Nature and History of Gnosticism*. — San Francisco: HarperOne, 1987. — 432 p.
20. Saxer V. Les Actes des “Martyrs anciens” chez Eusèbe de Césarée et dans les martyrologes syriaque et hiéronymien // *Analecta Bollandiana*. T. 102. 1984. P. 85–95.
21. Tabbernee W. Early Montanism and Voluntary Martyrdom // *Colloquium*. Vol. 17. 1985. P. 33–44.
22. Tabbernee W. *Fake Prophecy and Polluted Sacraments. Ecclesiastical and Imperial Reactions to Montanism*. — Leiden: Brill, 2007. — 485 p.
23. Trevett C. *Montanism: Gender, Authority and the New Prophecy*. — Cambridge: Cambridge University Press, 1996 — 299 p.
24. Willing M. *Eusebius von Cäsarea als Häreseograph*. — Berlin; New York: de Gruyter, 2008. — 554 p.
25. Wisse F. The Use of Early Christian Literature as Evidence for inner diversity and conflict // *Nag Hammadi, Gnosticism and Early Christianity* / Ed. by C. H. Hedrick, R. J. Hodgson. Peabody: Hendrickson, 1986. P. 177–190.
26. Каргальцев А. В. Монтанизм в римской Северной Африке: К проблеме восприятия мученичества // *Религия. Церковь. Общество*.

Исследования и публикации по теологии и религии. Вып. 1. СПб., 2012. С. 116–132.

27. Пантелеев А. Д. История римской матроны и ее учителя (Iust. Apol. II, 2) // Мнемон. Исследования и публикации по античной истории. Выпуск 12. СПб., 2013. С. 448–461.

28. Пантелеев А. Д. Речи в «Мученичестве Пиония»: реальность или фикция? // Индоевропейское языкознание и классическая филология. Вып. 17. СПб., 2014. С. 768–769.

29. Пантелеев А. Д. Римская империя в зеркале гнозиса // История: мир прошлого в современном освещении / Под ред. А. Ю. Дворниченко. СПб.: Издательство СПбГУ, 2008. С. 361–378.

30. Пантелеев А. Д. Христиане в правление Марка Аврелия // Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира. Вып. 4. СПб., 2005. С. 305–316.

31. Хосроев А. Л. Александрийское христианство по данным текстов из Наг-Хаммади. — М.: Наука, 1991. — 276 с.

#### DATA ON THE ARTICLE

*Author:* Pantelev Alexey Dmitrievich, PhD, assistant professor, Institute of History, Saint-Petersburg State University (Saint-Petersburg, Russia)

*E-mail:* [a.pantelev@spbu.ru](mailto:a.pantelev@spbu.ru); [alpant@hotmail.com](mailto:alpant@hotmail.com).

*Title:* «Some of the heresies have a great many martyrs»: Martyrdom in the non-orthodox Christianity (II–III cent.)

*Abstract:* This article is a collection of evidences of Christian authors on martyrdom among the 2–3<sup>rd</sup> century heretics. The main examined groups are Montanists (Quintus (Mart. Pol. 3), Themiso (Eus. HE V, 18, 5), Alexander (Eus. HE V, 18, 6), Eutychian (Mart. Pionii, 11, 2)), Marcionites (Metrodorus (Mart. Pionii, 21, 5–6; Eus. IV, 15, 46), Asclepius (Eus. Mart. Pal. 10, 3)), Monarchians (Praxeas (Tert. Adv. Prax. 1)) and the Gnostics. The first three groups recognized the importance of martyrdom; Gnostics, on the contrary, believed that it wasn't necessary. Martyrdom played a important role in intra-Church controversy: the presence of the martyrs was to reliably evidence of a true doctrine. Orthodox historical and polemical tradition (Irenaeus, Clement of Alexandria, Eusebius and others) preserved only a few names of martyrs among heretics and almost all references to them are provided with notes and comments aimed to humble their claim to title of martyr or confessor. It can be assumed that in reality their number was greater, and in the polemical literature belonging to heretical groups Church martyrs were similarly criticized. However, according to the author, appearance of Marcionites' presbyter Metrodorus in "Martyrdom of Pionius" wasn't due to internal church controversy, but

disputes with the Jews. Jews tried to entice away fallen Christians, and this fact became reason for big and angry Pionius' speech. Marcionites were in the same position, in addition, their doctrine originally was of anti-Jewish character. The presence of a common enemy can explain reference to Metrodorus and hint at his possible salvation (Mart. Pionii 21, 6).

*Key words:* early Christianity, persecutions, martyrdom, montanism, Marcion, gnosticism, polemic

## REFERENCES

1. Ameling W. (2008) The Christian "lapsi" in Smyrna, 250 A. D. (Martyrium Pionii 12–14), *Vigiliae Christianae*, vol. 62, pp. 133–160.
2. Barns T. (1903) The Catholic Epistles of Themison: a Study in 1 and 2 Peter, *The Expositor*, 6<sup>th</sup> series, vol. 8, pp. 40–62.
3. Bastiansen A. A. R. (1987) *Atti e passioni dei martiri*, Vicenza: Fondazione Lorenzo Valle, 615 p.
4. Baumeister G. (1991) *Genese und Entfaltung der altkirchlichen Theologie des Martyriums. Traditio christiana*, Berlin: Lang, 202 p.
5. Butler R.D. (2006) *The New Prophecy and 'New Visions': Evidence of Montanism in The Passion of Perpetua and Felicitas*, Washington: Catholic University of America Press, 181 p.
6. Carriker A. (2003) *The Library of Eusebius of Caesarea*, Leiden: Brill, 358 p.
7. Dehandschutter B. (2007) *Polycarpiana. Studies on Martyrdom and Persecution in Early Christianity. Collected essays*, Leuven: Leuven University Press, 286 p.
8. Dehandschutter B. (2006) Salvation in the Apocryphon of James, *Pagani e cristiani alla ricerca della salvezza (I–III sec.)*, Roma: Institutum Patristicum Augustinianum, pp. 357–366.
9. Frend W. H. C. (1954) The Gnostic Sects and the Roman Empire, *The Journal of Ecclesiastical History*, vol. 5, pp. 25–37.
10. Hilhorst A. (2008) Christian Martyrs Outside the Catholic Church, *Journal of Eastern Christian Studies*, vol. 60, pp. 23–36.
11. Hyldahl J. (2011) Gnostic critique of Martyrdom, *Contextualising Early Christian Martyrdom* (ed. Engberg J., Holmsgaard E., Klostergaard P.), Frankfurt am Main: Lang, pp. 119–138.
12. Kargaltsev A.V. (2012) Montanizm v rimskoy Severnoy Afrike: K probleme vospriyatiya muchenichestva [Montanism in Roman North Africa: Concerning the problem of martyrdom reflection], *Religiya. Tserkov'. Obshchestvo. Issledovaniya i publikatsii po teologii i religii*, vol. 1, Saint-Petersburg, pp. 116–132.
13. Khosroev A. L. (1991) *Aleksandriyskoe khristianstvo po dannym tekstov iz Nag-Khammadi* [Alexandrian Christianity according Nag-Hammadi texts], Moscow: Nauka, 276 p.
14. Lampe G. (1961) *A Patristic Greek Lexicon*, Oxford: Clarendon Press, 1568 p.

15. Lüdemann G. (1979) Zur Geschichte des ältesten Christentums in Rom, *Zeitschrift für die neutestamentliche Wissenschaft*, vol. 70. pp. 86–114.
16. Moss C.R. (2012) The Discourse of Voluntary Martyrdom: Ancient and Modern, *Church History*, vol. 81, pp. 531–551.
17. Musurillo H. (1972) *The Acts of the Christian Martyrs*, Oxford: Clarendon Press, 379 p.
18. Norton-Coleman P. (1966) *Roman State and Christian Church. A Collection of Legal Documents to A. D. 535*, London: S.P.C.K., vols. I–III, 1358 p.
19. Pagels E. H. (1981) Gnostic and Orthodox Views of Christ's Passion: Paradigms for the Christian's response to persecution?, *The Rediscovery of Gnosticism*, vol. I, Leiden: Brill, pp. 262–288.
20. Panteleev A. D. (2013) Istoriya rimskoy matrony i ee uchitelya (Iust. Apol. II, 2) [The history of the Roman matron and her teacher (Iust. Apol. II, 2)], *Mnemon. Issledovaniya i publikatsii po antichnoy istorii*, vol. 12, Saint-Petersburg, pp. 448–461.
21. Panteleev A. D. (2005) Khristiane v pravlenie Marka Avreliya [Christians in the Reign of Marcus Aurelius], *Mnemon. Issledovaniya i publikatsii po istorii antichnogo mira*, vol. 4, Saint-Petersburg, pp. 305–316.
22. Panteleev A. D. (2014) Rechi v «Muchenichestve Pioniya»: real'nost' ili fiktsiya? [Speeches in "Martyrium Pionii": authenticity or fiction?], *Indoevropeskoe yazykoznanie i klassicheskaya filologiya*, vol. 17, Saint-Petersburg, pp. 768–769.
23. Panteleev A. D. (2008) Rimskaya imperiya v zerkale gnozisa [Roman Empire in mirror of the Gnosis], *Istoriya: mir proshlogo v sovremennom osveshchenii* (ed. A.Yu. Dvornichenko), Saint-Petersburg: Izdatel'stvo SPbGU, pp. 361–378.
24. Robert L. (1994) *Le Martyre de Pionios, prêtre de Smyrne*, Washington: Dumbarton Oaks Research Library and Collection, 152 p.
25. Rudolph K. (1987) *Gnosis. The Nature and History of Gnosticism*. San Francisco: HarperOne, 432 p.
26. Saxer V. (1984) Les Actes des "Martyrs anciens" chez Eusèbe Césarée et dans les martyrologes syriaque et hiéronymien, *Analecta Bollandiana*, vol. 102, pp. 85–95.
27. Tabbernee W. (1985) Early Montanism and Voluntary Martyrdom, *Colloquium*, vol. 17, pp. 33–44.
28. Tabbernee W. (2007) *Fake Prophecy and Polluted Sacraments. Ecclesiastical and Imperial Reactions to Montanism*, Leiden: Brill, 485 p.
29. Trevett C. (1996) *Montanism: Gender, Authority and the New Prophecy*, Cambridge: Cambridge University Press, 299 p.
30. Willing M. (2008) *Eusebius von Cäsarea als Häreseograph*, Berlin; New York: de Gruyter, 554 p.
31. Wisse F. (1986) The Use of Early Christian Literature as Evidence for inner diversity and conflict // *Nag Hammadi, Gnosticism and Early Christianity* (eds. C. H. Hedrick, R. J. Hodgson), Peabody: Hendrickson, pp. 177–190.